

Гоудань был на редкость упрямым малым — никто не знал этого лучше его отца, Ли Сы. Стоило парню что-то вбить себе в голову, как он тут же бросался исполнять. Точно так же вышло и тогда, когда он твердо решил приютить Ван Сюаня.

Вот и теперь: едва Ли Сы заговорил о сборах в дорогу, как сын кинулся собирать вещи. Да еще и объявил, что непременно отправится вместе с ним. И не один, а прихватив с собой Ван Сюаня!

От такого заявления Ван Сюань совсем растерялся. Он не на шутку испугался, что Ли Сы поссорится с братом Гоуданем из-за этой затеи. Да и шутка ли — уездный город! Разве это место для детей?

В их деревне Сикань полно было тех, кто за всю жизнь ни разу не выезжал за пределы коммуны. Уездный центр для местных казался настоящим огромным городом. А разве в город пускают кого попало? Ван Сюань заволновался и незаметно потянул Гоуданя за рукав.

— Да куда ты собрался? — нахмурился Ли Сы. Идея взять сына с собой даже не укладывалась у него в голове. — Дорога дальняя, это тебе не в коммуну сходить!

— В коммуну я и сам не хочу, я там уже бывал, — упрямо буркнул Гоудань. — А вот в уездном городе еще ни разу не был.

— Мало ли где ты не был! — Ли Сы впервые в жизни повысил голос на сына. — Если в столице не бывал, так тебе и туда надо? А потом и к советским лаомаоцзы в их страну подашься?

Ли Сы впервые говорил с сыном в таком тоне. Уездный город — место чужое и опасное. Случись что, потеряется малец — где его потом искать в этой сутолоке? К тому же, по словам старосты, добираться придется пешком, еду нести с собой, а уж где заночевать в дороге — и вовсе бог весть. То ли дело дома — тихо и безопасно.

— И не думай, не пущу, — отрезал отец.

— А я пойду! Обязательно пойду! — у Гоуданя прорезалось упрямство, от которого у любого голова пошла бы кругом. — И не потеряюсь я, буду шагу ступить не давать деревенским мужикам, за ними следом пойду!

— Да даже если ты захочешь, кто тебя возьмет? Погляди вокруг — разве хоть один ребенок туда идет? Вечно ты какую-то глупость выдумашь!

— Непустишь со всеми — сам сбегу! А потеряюсь, так и ладно! — выкрикнул Гоудань и в сердцах швырнул рубаху на землю. Стояла невыносимая жара, так что дома он обычно ходил

босиком и с голым торсом.

— А в школу кто ходить будет? — Ли Сы заговорил тише, пытаясь воззвать к разуму сына. — Почему ты отца совсем не слушаешь?

Отец и сын уперлись рогами, и никто не желал уступать. В обычное время Ли Сы во всем потакал сыну — считал, что спорить из-за мелочей не стоит, вот и уступал, даже хозяйство Гоуданю доверил вести. Но путешествие в уездный город — дело совсем другое. Сыну едва исполнилось десять лет, как тут не тревожиться?

Однако и Гоудань отступать не собирался. Ли Сы попытался было показать отцовскую строгость, но, встретившись взглядом с непреклонным, упрямым сыном, тут же растерял весь свой пыл. Он просто не умел воспитывать детей так, как другие деревенские мужики: чуть что не по нраву — пороть нещадно, пока ребенок от страха шелковым не станет. Он впервые горько пожалел, что слишком баловал мальчишку, отчего тот вырос не по годам самостоятельным и отчаянно смелым.

Пока отец с сыном мерились характерами, Ван Сюань тихо забился в угол. Затаив дыхание, он с тревогой поглядывал на своего названного брата. В его маленькой голове лихорадочно проносились мысли о целебных снадобьях из его пространственного кармана.

«Вдруг дядя Ли все-таки побьет Гоуданя? Как бы помешать этому? А если не получится, какое зелье применить, чтобы брат побыстрее поправился и не так сильно мучился от боли?»

Пока он терзался этими страхами, Гоудань вдруг шагнул к крыльцу, обхватил обеими руками огромный валун, лежавший перед домом, и легко поднял его над головой.

— Да я любого лиходея одной левой одолею! — со стуком опустил парень камень обратно на землю. — Силы у меня вагон. А если что, мы с Ван Сюанем бегаем так быстро, что ни один взрослый нас не догонит!

Ли Сы аж выпрямился от неожиданности, спина мгновенно одеревенела. Все произошло так быстро, что у него в суставах словно что-то хрустнуло. Он попытался сказать хоть слово, но в горле пересохло. Такой огромный камень даже ему, взрослому мужику, с трудом удалось бы сдвинуть с места, а десятилетний сын поднял его как перышко! Ли Сы недоверчиво пнул валун носком обуви — камень даже не шелохнулся. Все было по-настоящему!

— С-сын... это как же понимать? — прозаикался Ли Сы. — Ты себе ничего не надорвал? Не ушибся нигде, а?

Он подскочил к Гоуданю, схватил его за руки и принялся лихорадочно осматривать.

— Совсем ума лишился, паршивец! А если бы эта глыба тебя придавила?! Живого места бы не

осталось! — И Ли Сы впервые в жизни с размаху влепил сыну звонкий шлепок по заднице.

— Ой, отец, ты чего дерешься?! — Гоудань тут же отскочил в сторону.

Надо же, такой взрослый парень, а его по заднице бьют — позорище какое! Ведь отец раньше на него даже пальцем замахнуться не смел.

Ван Сюань тоже опомнился от шока. Увидев, что Гоуданя собираются проучить, он перепугался не на шутку.

— Дядя Ли, пожалуйста, не бейте брата Гоуданя! Не надо! — закричал он, заслоняя друга своим крошечным телом и широко раскинув руки.

Гоудань, который уже успел отпрыгнуть на безопасное расстояние, обернулся и увидел, что глупый Ван Сюань подставился под удар вместо него. Он тут же подскочил обратно, схватил мальчишку за руку и утащил за собой подальше от отца.

Ли Сы замер в нерешительности — ни шагу вперед сделать, ни назад отступить. Он ведь и не думал всерьез бить сына, так, припугнуть хотел. А бедный Ван Сюань аж весь затрясся от страха, голосок дрожит... Этот хитрый лис Гоудань давно увернулся и ускакал, поди поймай его! Да и вообще, много ли на свете людей, способных догнать и поколотить этого сорванца?

Он всего лишь хотел разыграть строгого отца, но Гоуданю его угрозы были как об стенку горох, зато Ван Сюань перепугался до смерти.

— Дядя... вы только не бейте брата Гоуданя, ладно? — всхлипнул малыш.

Ли Сы долго молчал, а потом бессильно опустил на корточки. На самом деле он сам испугался гораздо сильнее мальчишек. Сыну всего десять лет, откуда у него такая нечеловеческая силища? Радости Ли Сы не испытывал — только смутную, гнетущую тревогу.

Немного придя в себя, он негромко заговорил, глядя на Гоуданя:

— В детстве я слышал в опере сказ про одного богатыря, генеральского сына. Тот от рождения владел великой силой и мог одной рукой поднять огромный медный котел, в котором варили кашу на целое войско...

Конечно, в те годы маленький Ли Сы просто слушал красивые сказки, мало что в них понимая. Но какой мальчишка не мечтал стать героем? Тем более такой трусливый и забитый ребенок, каким рос сам Ли Сы, терпевший вечные обиды от сверстников.

— Я ведь тебя с пеленок знаю. Да, ты рос сорванцом, живым парнем, но никакой богатырской

силой и не пахло. Откуда же она взялась-то теперь?

Ли Сы мог казаться простоватым и недогадливым в житейских делах, но своего единственного сына он знал как облупленного. В голове у темного, неграмотного деревенского мужика мысли путались. На миг ему даже стало не по себе: а вдруг в парня вселился какой-нибудь злой дух? В деревнях испокон веков шептались о подобном. Мол, зайдет в человека нечисть — и тот в безумстве обретает такую мощь, что трое здоровых мужиков скрутить не могут. И ведь рассказывали об этом как о чистой правде!

Глядя на то, как легко сын поднял тяжеленный валун, Ли Сы первым делом вспомнил именно эти жуткие байки. Но Гоудань стоял перед ним совершенно спокойный, разумный, бойко отвечал на вопросы и ни капли не походил на безумца.

— Сынок... Гоудань, с тобой точно все ладно? — с тревогой переспросил отец.

Гоудань даже растерялся и недоуменно переглянулся с Ван Сюанем. Только что отец носился за ним с затрещинами, а теперь сидит бледный, потерянный, не зная, куда деть руки.

— Отец, ты чего? — спросил Гоудань, потирая затылок. Он лихо хлопнул себя по груди: — Да здоров я как бык! А уж если отпустишь меня в уезд с мужиками, так и вовсе буду счастливее всех на свете!

— Дядя Ли, брат Гоудань правда очень хочет посмотреть уездный город, — робко подал голос Ван Сюань. — Нам учитель говорил, что человеку нужно мир повидать, разные края порасспрашивать, тогда из него вырастет толковый, достойный человек.

— И кто только такую глупость выдумал? — вздохнул Ли Сы. — Малышне негоже от родного гнезда далеко отлучаться. И что вы вообще в этом городе забыли? Если там так славно, с чего бы Председатель отправлял городских ребят к нам в деревню, у крестьян уму-разуму учиться? Слушай отца, нечего вам в уезде делать. К тому же вам учиться надо. Опять, небось, учитель в углу стоять заставит за прогулы.

— Ну и пусть наказывает, мне не привыкать! — фыркнул Гоудань.

В школе его наказывали по-разному, он всякого навидался — и на себе испытал, и на других насмотрелся. Учителя его недолюбливали, вечно твердили, что из такого шалопая ничего путного не вырастет. Но что они понимают в успехе? Он ведь каждую контрольную сдавал на круглые пятерки! А этот противный ябеда Чжан Дэшэн — из него, значит, вырастет достойный человек? Только потому, что его папаша выбился в мелкое начальство, учителя теперь перед этим подлизой на задних лапках ходят, словно тот уже важный чиновник?

Гоудань так и кипел от возмущения, но Ван Сюань незаметно дернул его за руку, призывая замолчать, и заговорил сам:

— Дядя Ли, брат Гоудань с каждым днем становится сильнее и бежит быстрее ветра. Отпустите его, пожалуйста! А я... я обещаю следить за ним в оба глаза, чтобы он не натворил глупостей.

Ван Сюань говорил с замиранием сердца. Он прекрасно знал упрямый нрав Гоуданя: если тот загорелся идеей, то расшибется в лепешку, но своего добьется. Не отпустит отец по-хорошему — сбежит тайком. А если он уйдет один, без присмотра взрослых, беды точно не миновать.

— Так эта сила... она и правда сама у тебя прорезалась? — Ли Сы окончательно растерялся.

То, что его сын оказался маленьким богатырем, его совсем не радовало. В народе ведь как говорят: у дракона рождается дракон, у феникса — феникс, а детеныш мыши только норы копать умеет.

Сын не пошел ни в отца, ни в покойную мать. Ли Сы чувствовал себя бесконечно растерянным. Сам он всю жизнь был простым неотесанным крестьянином. И хоть его мальчик сейчас исправно ходил в школу, и для отца он был самым лучшим и умным ребенком на свете, в глубине души Ли Сы верил, что Гоудань повторит его судьбу — останется в родной деревне Сикань, будет гнуть спину на колхозном поле да зарабатывать рабочие баллы.

Но с такой нечеловеческой силищей... вдруг его, как героев из старых романов, заберут на войну и сделают генералом? Нет, этого еще не хватало! Воевать — дело опасное, пули ведь не разбирают, герой ты или нет. Куда безопаснее мирно пахать землю дома.

Неповоротливый ум Ли Сы из-за этой выходки сына заработал на пределе возможностей, выстраивая самые невероятные картины будущего. Знай он, что один старый заслуженный вояка уже подговаривал Гоуданя пойти в армию, бедный отец и вовсе лишился бы чувств от страха.

Ли Сы, человек молчаливый и непривычный к долгим думам, окончательно запутался в собственных мыслях.

«Ладно уж, пусть идет в свой уезд. Лишь бы только не таскал эти каменные глыбы, не строил из себя богатыря и не вздумал податься в герои. Пусть катится на все четыре стороны»

В конце концов Ли Сы сдался. Он решил пойти к старосте и предупредить его. Конечно, вряд ли занятому взрослому человеку было дело до маленького мальчишки, но Гоудань настоял на своем: староста у нас все-таки при должности, у него власть. Пускай мы и не будем просить его приглядывать за нами в пути, предупредить все равно положено по закону.

Тем временем Ван Сюань дома прибирал вещи. Он аккуратно спрятал все школьные тетради и учебники в свой пространственный карман — теперь в дорогу нужно было взять только мешок с сухарями.

— Брат Гоудань, а староста точно разрешит нам пойти следом? — с легкой тревогой спросил он.

— Дорога-то одна на всех, как он может запретить? — фыркнул Гоудань. — Мы им мешать не станем, под ногами не путаемся.

— Ну и славно, — повеселел Ван Сюань.

Конечно, он тоже шел. Он вполне мог бы остаться дома, но там, где был брат Гоудань, всегда должен был быть и он.

Успокоившись, Ван Сюань принялся за дело. Он был гораздо хозяйственнее и внимательнее легкомысленного друга. Вместе они высыпали из ларя всю оставшуюся кукурузную муку грубого помола. Пока они хлопотали у стола, у них не умолкали языки: мальчишки наперебой гадали, каков он, этот уездный город. Сколько там улиц? Много ли магазинов на каждом углу? Наверное, горы леденцов и печенья! А городские, небось, каждый день едят пышный пшеничный хлеб?

— Спорим, они там только белые паровые булочки лопают! — заговорщицки прошептал Ван Сюань. — Помнишь, сестрица Вэй Хун рассказывала?

Вэй Хун была представительницей образованной молодёжи, присланной в их края несколько лет назад. Больше всего на свете она тосковала по маминым домашним пампушкам из чистой белой муки.

— Не хватит, — вздохнул Ван Сюань, оценив кучку муки.

Он задумчиво провел кончиком языка по десне — у него как раз выпадали молочные зубы, и чесать растущие новые зубы языком вошло у него в привычку.

— Нас ведь трое пойдет. Дорога туда и обратно займет дня три-четыре. Этой кукурузной муки даже на самые простые лепешки не хватит. Бежать сейчас на мельницу мы не успеем, да и народу там сейчас наверняка тьма-тьмушная.

Новость о сдаче зерна пришла в деревню слишком поздно. Обычно все ограничивалось сдачей излишков в местную коммуну, но в этот раз поступило распоряжение везти зерно прямо на склады уездного центра. Конечно, пара дней в запасе у них была, но староста предупредил сразу: лучше выйти пораньше, иначе потом придется стоять в бесконечной очереди под палящим солнцем.

— Пошли у кого-нибудь займем, — решительно скомандовал Гоудань.

— Может, подождем, пока дядя Ли вернется? — засомневался Ван Сюань.

Он резонно рассудил, что просить займы еду лучше взрослым. С какой стати соседи станут давать зерно двум несмышленным мальчишкам? Еще подумают, что они попрошайничать пришли. Вдруг взрослые побоятся, что дети потом не вернут долг, и просто выставят их за дверь?

— Да и у кого тут просить?

— У старой тетушки! — уверенно отозвался Гоудань. — У них семья большая, рабочих рук полно, так что запасов муки всегда в избытке. А как перемелем свое зерно, сразу все и вернем.

Ван Сюань подхватил деревянную миску и поспешил за другом. Гоудань, верный своей привычке, сорвался с места не раздумывая и, конечно же, забыл взять тару. Пришлось Ван Сюаню позаботиться об этом самому. Не идти же просить муку с пустыми руками, чтобы потом еще и мешок у хозяев вымалывать? Такой безграничной наглостью, как его Гоудань-гэ, маленький Ван Сюань все же не обладал.

<http://bllate.org/book/19654/1996707>